

Оригинальная статья

УДК 930.2

<https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.2.193-206>

Дискуссия Н.И. Кареева и Л.З. Слонимского: антропологический разворот

Г.А. Щукин, Н.И. Недашковская ✉

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия

✉ n.nedashkovskaya@yandex.ru

Аннотация

В статье рассмотрена журнальная полемика Н.И. Кареева и Л.З. Слонимского, развернувшаяся в 1883 г. на страницах российских журналов в связи с публикацией Н.И. Кареевым монографии «Основные вопросы философии истории» по подготовленной им к защите докторской диссертации. В названной работе были представлены оригинальные положения относительно иерархии наук, природы законов истории, формулы «прогресса». В настоящем исследовании раскрыты некоторые новые антропологические контексты полемической ситуации, значимые для реконструкции причин существенного расхождения ценностных представлений Н.И. Кареева и Л.З. Слонимского об устройстве исторического процесса и месте человека в нем. Сделан вывод о том, что по отношению к идее и теории нации как значимых теоретических составляющих идейных исканий интеллектуалов изучаемой эпохи публицист и историк не только базируются на принципиально различном личном опыте, аналитической и риторической традициях, но и находятся на разных уровнях метарефлексии, ставя перед собой и существенно различающиеся цели теоретизирования.

Ключевые слова: историография, Н.И. Кареев, Л.З. Слонимский, «Основные вопросы философии истории», полемика, дискурс, теория национализма

Для цитирования: Щукин Г.А., Недашковская Н.И. Дискуссия Н.И. Кареева и Л.З. Слонимского: антропологический разворот // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2025. Т. 167, кн. 2. С. 193–206. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.2.193-206>.

Original article

<https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.2.193-206>

A debate between N.I. Kareev and L.Z. Slonimsky: The anthropological turn

G.A. Shchukin, N.I. Nedashkovskaya✉

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

✉ n.nedashkovskaya@yandex.ru

Abstract

This article examines an intellectual debate between N.I. Kareev and L.Z. Slonimsky, which unfolded in Russian journals in 1883, following the publication of N.I. Kareev's monograph "Key Issues in the Philosophy of History" based on his doctoral dissertation, which introduced his original but controversial perspective of the hierarchy of sciences, the nature of the laws of history, and the "progress" formula. New, previously unexplored anthropological contexts of the polemical exchange between the two scholars are explored that help uncover the reasons behind the sharp differences in how they understood the structure of the historical process and the place of the human being in it. The results show that, with respect to the idea and theory of the nation perceived as the central theoretical components of intellectual pursuits at that time, N.I. Kareev and L.Z. Slonimsky's views reflect their fundamentally different personal experiences, as well as the alternative analytical and rhetorical traditions they accepted. Because they pursued different goals in their theorizing, their reasonings developed at different levels of meta-reflection.

Keywords: historiography, N.I. Kareev, L.Z. Slonimsky, "Key Issues in the Philosophy of History," controversy, discourse, theory of nationalism

For citation: Shchukin G.A., Nedashkovskaya N.I. A debate between N.I. Kareev and L.Z. Slonimsky: The anthropological turn. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*. 2025, vol. 167, no. 2, pp. 193–206. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.2.193-206>. (In Russian)

Введение. Наследию Н.И. Кареева посвящены многочисленные труды историографов науки и новейшие работы по интеллектуальной истории¹ [1]. Однако сами исследователи признают, что разгадка его концепции философии истории не только еще не реализована в

¹ Репина Л.П. Роль метафор в историческом синтезе Н.И. Кареева // Николай Иванович Кареев: жизненный путь и научное наследие в трансдисциплинарном контексте современного историознания: сборник статей и сообщений III Междунар. науч.-образоват. конф., Казань, 19–21 ноября 2020 года / Сост. и отв. ред. Г.П. Мягков. Казань: К(П)ФУ, 2021. С. 231–236; Мягков Г.П. Он был «хозяином в любой области историографии»: эмпирическое и философско-историческое в творчестве Н.И. Кареева // Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век: материалы междунар. науч. конф., Москва, 12–14 ноября 2008 года / Отв. ред. Л.П. Репина. М.: ИВИ РАН, 2008. С. 303–305; Золотарев В.П. «Быстрый труд»: к истории создания Н.И. Кареевым докторского исследования // Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век: материалы междунар. науч. конф., 12–14 ноября 2008 года / Отв. ред. Л.П. Репина. М.: ИВИ РАН, 2008. С. 282–283; Филимонов В.А. «Основные вопросы философии истории» и «Сущность исторического процесса и роль личности в истории» Н.И. Кареева в рецензиях отечественных исследователей // Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век: материалы междунар. науч. конф., 12–14 ноября 2008 года / Отв. ред. Л.П. Репина. М.: ИВИ РАН, 2008. С. 286–288.

полной мере, но и требует пересборки оптики анализа и расширения контекстов, в которых рассматриваются высказывания историка².

В рамках настоящей статьи в качестве основного выбран антропологический ракурс историографического исследования, который позволяет сделать видимыми в их взаимодействии не только прямые контакты и влияния, но и опосредованные пересечения направлений и традиций мысли и таким образом представить текст историка как часть большого дискурса исторического мышления эпохи, а следовательно, и приблизиться к расшифровке самой «тайны антропологии науки» (Б. Латур) изучаемого периода. Важным для нас аспектом анализа является внимание к самоидентификации и автомоделированию картины мира³, к практикам и самообъяснению участниками дискуссии, сам факт возникновения которой вскрывает для наблюдателя дискурс во всей его многослойности.

О предмете дискуссии Н.И. Кареева и Л.З. Слонимского. В 1883 г. на свет появились два тома «Основных вопросов философии истории» Н.И. Кареева (Кареев1, Кареев2). На момент публикации автор уже был признанным ученым: в 1879 г. он защитил магистерскую диссертацию по крестьянскому вопросу Франции последней четверти XVIII в. и его имя звучало наравне с именами П.Г. Виноградова, М.М. Ковалевского и И.В. Лучицкого, «главных» представителей «русской исторической школы» [4, с. 157]. Для ученых названной школы среди прочего было характерно «обращение к вопросам историографии», особенно ярко проявившееся именно в творчестве Н.И. Кареева, «вообще склонного к библиоисториографической работе» [4, с. 20].

Необходимо учитывать, что в целом за размышлениями Н.И. Кареева в рамках «основных вопросов философии истории» стоит долгая философская и научная традиция осмысления исторического процесса, представленная лучшими умами европейской и российской мысли. Прежде всего здесь следует вспомнить его учителей: Т.Н. Грановского, В.И. Герье – первых русских «всеобщников», глубоко погруженных в европейскую интеллектуальную традицию, представленную особенно ярко немецкой романтической мыслью.

Высоко оценивая своих учителей и их вклад в российскую науку (например, в отношении Т.Н. Грановского историк прямо заявляет, что последний «начинает у нас ряд русских ученых, которые стали самостоятельно заниматься историей европейского Запада» (Кареев3, с. 2)), Н.И. Кареев перенял у них взгляд на Россию как на «неотъемлемую часть европейской цивилизации» [5, с. 16]. Более того, он имел возможность лично соприкоснуться с европейскими идеями во время подготовки своей докторской диссертации. Так, согласно письмам Н.И. Кареева М.С. Корелину⁴, первый обстоятельно работал с источниками, находящимися в Париже, Берлине и Варшаве.

Важно отметить, что Н.И. Кареев был активно вовлечен в интеллектуальное производство эпохи⁵. Так, в 1876 г. он опубликовал статью «Расы и национальности с психологи-

² В этом направлении отчасти действует В.А. Филимонов, рассматривая рецепцию Н.И. Кареевым античного культурного наследия [2; 3].

³ Данный термин отличается многозначностью и используется в разных областях науки, поэтому оговорим, что в рамках настоящей статьи мы подразумеваем под ним индивидуальный «способ моделирования и интерпретации мира» [1, с. 58].

⁴ Золотарев В.П. «Быстрый труд»: к истории создания Н.И. Кареевым докторского исследования // Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век: материалы междунар. науч. конф., 12–14 ноября 2008 года / Отв. ред. Л.П. Репина. М.: ИВИ РАН, 2008. С. 283.

⁵ Золотарев В.П. Об исследовательской лаборатории Н.И. Кареева (к постановке проблемы) // Патриотизм и гражданственность в повседневной жизни российского общества (XVIII–XXI вв.): материалы междунар. науч. конф. / Под общ. ред. В.Н. Скворцова. СПб.: ЛГУ ун-т им. А.С. Пушкина, 2013. С. 267.

ческой точки зрения» (Кареев⁴), в которой критически осмыслил сформулированные на тот момент положения Э. Ренана⁶, а во вступительной лекции «Формула прогресса» 1879 г. высказывал свои соображения в отношении исторического процесса и роли прогресса в нем. Публикуя «Основные вопросы философии истории», адресованные широкой публике, Н.И. Кареев намеревался решить сразу две задачи: получить критику, которая затем будет использована в дальнейшей работе над третьим томом, и одновременно представить обществу свое видение исторического процесса и отношение к нему, на что указывают его замечание относительно печати докторской диссертации: «...я видел в полемике средство для уяснения и популяризации своих историко-философских воззрений» (Кареев⁷, с. 1) – и следующее утверждение: «...особенностью научной лаборатории Кареева является то, что из нее выходили исследования, отвечавшие, как ныне говорят, на вызовы времени»⁷.

«Крупнейшие русские ученые по истории европейских народов» всегда ориентировались на решение «русской “злобы дня”»⁸, что было характерно в том числе и для штудий русской исторической школы, которые «стимулировались современными общественными дискуссиями вокруг перспектив российской модернизации и попыток найти решение насущных российских проблем через постижение европейского исторического опыта» [5, с. 24]. Сам Н.И. Кареев поясняет, что докторская диссертация, в которой он перешел от крестьянского вопроса к историософским исследованиям, была невольным откликом на «пропаганду и распространение у нас в последних годах прошлого столетия теории экономического материализма» (Кареев⁵, с. 251). В связи со всем вышесказанным мы можем заключить, что публикация «Основных вопросов философии истории» оказывалась не только общепринятой научной процедурой, но и политическим актом ученого, вступающего таким образом в публичную полемику с другими позициями.

Среди «около тридцати рецензий»⁹ на опубликованный труд, на наш взгляд, выделяются рецензии за авторством Л.З. Слонимского, которые получили своеобразный отклик Н.И. Кареева: можно констатировать практически полное отсутствие диалога между спорящими сторонами. Всего обсуждение включает в себя пять публикаций, четыре из которых связаны с непосредственным спором историка и публициста, а пятая и последняя является обобщающим высказыванием Н.И. Кареева, в котором он подводит итоги своих дискуссий с критиками.

Границы и структура дискурса. Чтобы лучше понять особенность упомянутой дискуссии, необходимо охарактеризовать спорящие стороны. Взгляды Н.И. Кареева как в политическом, так и в научном поле можно определить как либерально-позитивистские. Известно, что ученый выступал за либерализацию публичной сферы: он ратовал за сни-

⁶ Недашковская Н.И. История идеи нации: версия В.И. Герье // Историческая наука и образование в России и на Западе: судьбы историков и научных школ: материалы Всерос. науч. конф. / Отв. ред. Л.П. Репина. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 21.

⁷ Золотарев В.П. Об исследовательской лаборатории Н.И. Кареева (к постановке проблемы) // Патриотизм и гражданственность в повседневной жизни российского общества (XVIII–XXI вв.): материалы междунар. науч. конф. / Под общ. ред. В.Н. Скворцова. СПб.: ЛГУ ун-т им. А.С. Пушкина, 2013. С. 268.

⁸ Золотарев В.П. Эссе Н.И. Кареева «О духе русской науки»: новое прочтение // Национальный/социальный характер археология идей и современное наследие: материалы Всерос. науч. конф. / Отв. ред. Л.П. Репина. М.: ИВИ РАН, 2010. С. 277.

⁹ Филимонов В.А. «Основные вопросы философии истории» и «Сущность исторического процесса и роль личности в истории» Н.И. Кареева в рецензиях отечественных исследователей // Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век: материалы междунар. науч. конф., 12–14 ноября 2008 года / Отв. ред. Л.П. Репина. М.: ИВИ РАН, 2008. С. 286.

жение государственного надзора за деятельностью университетов, отстаивая их исследовательскую и преподавательскую автономию (З. 342); выступал с критикой цензуры и устаревших административных порядков в царской России (см., например, [6]) и всячески приветствовал Временное правительство как знак перемен (Кареев6)¹⁰. Внешняя борьба за либерализацию была отражением идейных установок ученого, ярко проявившихся в его учении об историческом прогрессе: «Мы можем понятие прогресса разложить на пять понятий частных: прогресс умственный есть воспитание способности к духовным интересам и улучшение миросозерцания; прогресс нравственный есть воспитание способности действовать по убеждению и улучшение принципов этики; прогресс политический есть развитие свободы и улучшение государства; прогресс юридический есть развитие равенства и улучшение права; прогресс экономический есть развитие солидарности и улучшение способов совместного добывания средств к существованию» (Кареев2, с. 330). Косвенным доказательством либеральности его взглядов является и тот факт, что Л.З. Слонимский называет ценности, отстаиваемые Н.И. Кареевым, «истинно либеральными» (Слоним.1, с. 256) и высказывает им всяческое сочувствие, а у последнего не возникает никаких возражений против такого определения в последующих ответах.

Что касается научных взглядов ученого, то достаточно отметить характерные для него установки на поиск объективной исторической истины и работу с однозначными трактуемыми фактами, которыми оперирует наука. Сегодня такую позицию принято называть «классической рациональностью»: она характеризуется верой в познаваемость «истинного» устройства дел, приверженностью «рационализму» – то есть вере в разум как в адекватное средство познания окружающей реальности, субъектно-объектную дихотомию взаимодействия с миром. Можно спорить о степени комплексности понимания Н.И. Кареевым предмета исторической науки, склонности к междисциплинарности и научному синтезу теоретических систем, которые характерны, скорее, для «неклассической рациональности», однако в рамках настоящего исследования мы будем придерживаться все же указанного нами понимания. Примечательно, наконец, и то, что именно незадолго до защиты докторской диссертации ученый окончательно утверждает на «почве позитивизма» [8, с. 76], что позволяет нам более определенно трактовать его методологические установки.

Л.З. Слонимский, выпускник юридического факультета Киевского университета, на момент публикации Н.И. Кареевым «Основных вопросов философии истории» являлся известным публицистом, специализировавшимся на экономике и праве, и правоведом. С 1872 г. он активно печатался в столичных журналах, публикуя критические обзоры популярных экономических и социально-политических теорий.

Несмотря на отсутствие у Л.З. Слонимского степени и формальной принадлежности к научному цеху, его библиография отмечена объемными исследованиями, претендующими на научный анализ. Среди них следует выделить критический обзор «Капитала» К. Маркса (Слоним.2), само появление которого указывает на теоретические амбиции рецензента, а также «Взгляд на юридическое положение евреев в России и за границей» (Слоним.3), посвященный социальной судьбе обозначенной группы в контексте ее правовой истории, где публицист констатирует отсутствие каких-либо объективных исторических причин для угнетенного положения евреев, в котором они находились в конце XIX – начале XX в.

¹⁰ Проблема деятельности Н.И. Кареева как ученого в эпоху революции 1917 г. детально рассмотрена в исследовании Ю.С. Никифорова [7].

В начале 80-х годов XIX в. Л.З. Слонимский сотрудничал с «Вестником Европы». Ему были близки как либеральные ценности журнала (по замечанию В.А. Китаева, «к концу 60-х годов “Вестник Европы” вполне определился в своем либерализме» [9, с. 32]), которые он стремился соотнести с некоторыми социалистическими преобразованиями, так и активная борьба с народнической идеологией, развернутая А.Н. Пыпиным. Примечателен тот факт, что и свои рецензии на труд Н.И. Кареева Л.З. Слонимский публиковал в «Вестнике Европы» – это может указывать на то, что изначальный интерес к работе Н.И. Кареева был вызван включением последнего в сферу интересов и самого публициста, и журнала.

Что касается исследовательского подхода Л.З. Слонимского, то он преимущественно основывает свой анализ на тех же исходных предпосылках с опорой на «классическую рациональность», которые были характерны и для Н.И. Кареева. Мы имеем в виду установку на познаваемость «истинного» порядка, убежденность в адекватности рационального подхода для осуществления познавательной деятельности; ориентацию на сохранение объективной дистанции в отношении исследуемого объекта (то есть субъектно-объектной дихотомии). Вышесказанное позволяет оценивать подход Л.З. Слонимского к фактическому материалу, в том числе историческому, как позитивистский. Впрочем, так же как и в случае с Н.И. Кареевым, можно обнаружить и определенные установки, присущие «неклассической рациональности», наиболее характерной из которых является понимание относительности таких категорий, как «законы» (исторические и биологические) (Слоним.1, с. 265).

Следовательно, в контексте полемики названных авторов мы говорим об относительно неординарном казусе спора между оппонентами, которые на эксплицитном уровне придерживаются схожих идеологических установок как в отношении социально-политической, так и научной сферы. Следовательно, случай их «столкновения» требует более детального изучения, нежели простая констатация их тезисов в рамках полемики.

Дискурсивная борьба. Мы предлагаем трактовать дискуссию Н.И. Кареева и Л.З. Слонимского как дискурсивную борьбу¹¹. Подобное прочтение обнаруживает сразу два новых акцента: во-первых, мы рассматриваем конкретную научно-публицистическую полемику не только в рамках ее самой, но в рамках всего общества, понимаемого как поле динамичных социальных и политических отношений. Этот пункт созвучен сделанному нами выше замечанию о том, что публикация «Основных вопросов философии истории» являлась для широкой публики в том числе политическим (или дискурсивным) действием¹².

Во-вторых, сама полемика при подобном прочтении видится не как фактический обмен тезисами между автономными инстанциями, но, напротив, является столкновением и отстаиванием собственной картины мира – предлагаемой как Н.И. Кареевым, так и Л.З. Слонимским. Поскольку под картиной мира мы понимаем «индивидуальный способ моделирования мира», то дискурсивная борьба, очевидно, захватывает не только высказан-

¹¹ В обозначенном вопросе мы опираемся на теорию дискурса Э. Лакло и Ш. Муффа в интерпретации О. Байши. Согласно названной теории «все “социальное” (т. е. наделенное смыслом) следует понимать как “дискурсивное”, где “дискурс” является матрицей, на которой “действующие лица занимают различные позиции”. Дискурс, по теории Лаклау и Муффа, – это “реальная сила, способствующая формированию и становлению социальных отношений”». При таком прочтении дискурсивная борьба Н.И. Кареева и Л.З. Слонимского – это артикуляционные практики, цель которых – «установление доминирования одного значения посредством вытеснения других» [10, с. 14].

¹² Когда речь идет о дискурсивной борьбе, мы употребляем термины «политический» и «дискурсивный» как синонимы, подразумевая стремление к утверждению своих позиций над прочими.

ные Н.И. Кареевым в рамках «Основных вопросов философии истории» соображения, но и весь жизненный опыт авторов, в том числе те глубинные области их индивидуальной идентичности (религиозной, этнической и др.), которые чаще всего остаются не вовлеченными в поле историографического анализа.

Подытожим предварительные замечания: перед нами неординарный казус столкновения двух равноценно образованных и идеологически близких людей, которые акцентируют глубокое несогласие между собой. Несмотря на то, что обмен замечаниями растянулся на четыре публикации (две у Н.И. Кареева и две у Л.З. Слонимского), авторы оказались не в состоянии достичь продуктивного диалога и ограничились абстрактными или, наоборот, слишком мелкими замечаниями – можно сказать, что в целом диалога как такового не состоялось.

Представляется актуальным и продуктивным изучить ход и имплицитное содержание печатного «не-диалога», а также соотнести его с более широкими течениями общественной жизни России конца XIX в., поскольку понимание внутренних механизмов рассматриваемого спора расширяет видение истории интеллектуальной жизни в нескольких новых контекстах: культуры полемики конца XIX в., персональной идентичности интеллектуалов Н.И. Кареева и Л.З. Слонимского, а также жизни русского общества в целом.

При анализе всего массива рецензий, посвященных «Основным вопросам философии истории», В.А. Филимонов отметил, что «узловыми вопросами ученого спора стали: кареевская классификация наук и их деление на номологические и феноменологические, различие предмета исторической науки и социологии; соотношение субъекта и объекта (“субъективный метод”) и необходимость этической оценки в историческом исследовании (“законный субъективизм”), формула прогресса и историческая эволюция, законосообразность в истории и существование специфических исторических законов»¹³. И теперь, чтобы представить узловые точки несогласия сторон в рамках интересующего нас сюжета, необходимо обратиться к тезисам Н.И. Кареева и Л.З. Слонимского. Так, в самой дискуссии можно выделить три смысловых точки несогласия:

- 1) спор об иерархии наук;
- 2) спор о природе законов и законах в истории;
- 3) спор о формуле прогресса и телеологии в истории.

Н.И. Кареев отстаивает разделение наук на *номологические* и *идиографические* и предлагает расширение классификации за счет введения двух новых наук – историософии и философии истории. Задача первой – обнаружить и обосновать закономерности хода истории, поэтому ученый относит историософию к номологическим наукам. Философия истории как идиографическая наука, в свою очередь, представляется Н.И. Карееву как «изображение всемирной жизни человечества», примеры чего можно найти даже в древности, например в «грандиозной картине пророка Даниила» (Кареев1, с. 5).

Л.З. Слонимский же считает подобное разграничение изначально искусственным, относя упомянутое действие «к напрасным хлопотам о точном размежевании и раздроблении наук, связанных единством целей и содержания» (Слоним.1, с. 262). Бесплодна данная деятельность еще и потому, что для «обычных» историков так же характерны процедуры реф-

¹³ Филимонов В.А. «Основные вопросы философии истории» и «Сущность исторического процесса и роль личности в истории» Н.И. Кареева в рецензиях отечественных исследователей // Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век: материалы междунар. науч. конф., 12–14 ноября 2008 года / Отв. ред. Л.П. Репина. М.: ИВИ РАН, 2008. С. 288.

лекции и обобщения материала, понятые в смысле не простой систематизации единичных фактов, а отыскания «в них пружины человеческих действий» (Слоним.1, с. 261).

В вопросе о существовании исторических законов у спорящих сторон наблюдается большая путаница: в последней своей рецензии Л.З. Слонимский подчеркивает противоположное отношение оппонентов к законам в истории, так как для него они есть, а для Н.И. Кареева – их нет (Слоним.4, с. 432). Между тем следует понимать, что отношение ученого к историческим законам более сложное, поскольку он лишь изымал из «ведения философии истории разработку философских исследований общих законов исторического процесса и передавал их социологии» [8, с. 39]. Для Л.З. Слонимского подобные уточнения не имеют смысла, поскольку, как мы выяснили ранее, он отвергает предложенную Н.И. Кареевым иерархию наук.

Обратимся к главной идее Н.И. Кареева, в которой он видит наибольшую ценность своей работы, – к формуле прогресса. Не признавая исторических законов, а также определенно-го плана, по которому может разворачиваться история (то есть телеологию истории), ученый тем не менее поставил себе задачу отыскать научно обоснованный¹⁴ «смысл истории». Видит он его в планомерном разворачивании в мировой истории прогресса, который следует отличать от безоценочного развития, называемого «эволюцией».

Несмотря на сочувственное отношение к «истинно либеральным» ценностям ученого, Л.З. Слонимский выступает с жесткой критикой упомянутых тезисов. Главный контраргумент публициста состоит в избирательности фактического материала, его мозаичности и раздробленности. Н.И. Кареев выбирает его в исторических эпохах, порой опуская целые периоды, если они не подтверждают его точку зрения: «Целые народы и эпохи исключаются из круга материалов для обобщений историка; важнейшие условия политической жизни совершенно игнорируются, насколько они основаны на элементах силы, борьбы и произвола» (Слоним.1, с. 277). В стороне остается рассмотрение войн, особенно совсем недавних, и всевозможная модернизация средств для уничтожения людей, например, появление крупнокалиберных пушек. В итоге, заключает публицист, ученый строит свою формулу прогресса «как чистый метафизик» (Слоним.1, с. 279).

Примечателен тот факт, что рассматриваемая полемика не имела продолжения: стороны остались при своем мнении, Н.И. Кареев успешно защитил докторскую диссертацию и лишь вскользь упомянул Л.З. Слонимского в своей работе, подводящей итог дискуссии вокруг «Основных вопросов философии истории», отметив только резкость, с которой был склонен писать публицист, и вновь повторив уже звучавший в ответах тезис о непонимании рецензентом содержания работы по причине поверхностного ознакомления с нею (Кареев7, с. 3).

Мы, впрочем, считаем, что, хотя все вышесказанное и приблизило нас к пониманию полемики, этого недостаточно для того, чтобы составить более детальное представление, и следует контекстуализировать как саму дискуссию, так и диспутантов.

Профессор Н.И. Кареев, как справедливо отмечено в другой рецензии (П.К., с. 702), уже был человеком науки, обладающим авторитетом и статусом ученого в обществе. Однако мы предполагаем, что существует определенная дистанция между статусом в публичной и академической сферах: ранее мы заметили, что Н.И. Кареев, обнародовав свою работу, вынес ее обсуждение за рамки академического пространства (можно сказать, из академическо-

¹⁴ А не философски спекулятивный. В вопросе значимости философии как самостоятельного инструмента построения теории исторического процесса Н.И. Кареев полемизировал, например, с В. Соловьевым [11, с. 10].

го дискурса, если под последним мы понимаем определенные социокультурные и речевые практики) в публичное поле, в котором сосуществуют различные критерии экспертности и авторитетности. Лучше всего приведенный тезис подтверждается тем фактом, что экспертная и авторитетная позиция ученого может оспариваться (и поддерживаться, как это было в случае с письмами недовольных студентов (Глин.)) теми, кто не имел бы голоса в рамках академического дискурса – публицистами, журналистами, студентами (Трн.) и т. п.

В подобных обстоятельствах работа ученого воспринимается как одна из возможных точек зрения. Предложенная читателю картина мира, претендующая на истинность, вступает в открытую конфронтацию с уже существующими, поскольку лишь одна из них может претендовать на статус «верной».

Исходя из вышесказанного, представляется продуктивным рассматривать работу Н.И. Кареева и полемику с Л.З. Слонимским как дискурсивную борьбу двух разных картин мира, находящихся в непримиримом противоречии по тем пунктам, которые будут раскрыты далее. Выбранная оптика позволяет политизировать высказывания Н.И. Кареева несмотря на то, что сам ученый старается отвечать исключительно на замечания, которые считает относящимися к содержанию работы, и не обращается в рамках ответных статей к теме политики.

В контексте своих рассуждений Н.И. Кареев касается двух второстепенных для него пунктов, которые, как мы полагаем, являются значимыми для понимания полемики.

Во-первых, речь идет о судьбе национальности «мелких этнографических групп» (Кареев8, с. 194), к которым ученый относит цыган и евреев. Хотя он отмечает собственные сожаления по этому поводу и надеется на бескровность процесса сокращения их самостоятельного присутствия в большой истории, он однозначно предрекает упомянутым народностям полное исчезновение вследствие их ассимиляции с другими большими народами: «...ибо маленькие этнографические группы, малочисленные и не имеющие замкнутой территории, неспособные образовать собственного государства, развить собственную литературу и т. д., самую судьбою обречены на погибель...» (Кареев2, с. 352). Л.З. Слонимский выступает с критикой данного тезиса и отмечает, что, если отбросить бесполезные в науке сантименты, Н.И. Кареев рассуждает как метафизик, ненаучно предрекающий неизбежную гибель таких этнических групп: «...это похвальное заявление [о неприемлемости замкнутости и враждебности наций] значительно ослабляется тою легкостью, с какой в нескольких словах решается участь мелких народностей... Откуда эта жестокость у теоретика прогресса, ставящего свой идеал в благе личностей “без всякого минуса”?» (Слоним.1, с. 278–279); «...бесцельные личные пожелания не имеют смысла в серьезном научном исследовании» (Слоним.4, с. 433).

Критические точки дискурса. Для понимания данного момента необходимо обратить внимание на следующий факт: Л.З. Слонимский сам был выходцем из еврейской семьи, который принял христианство в абсолютно сознательно возрасте – после окончания обучения в Киевском университете, в 22 года. Одной из причин крещения был брак с Фаиной Венгеровой, сестрой известной дореволюционной писательницы и литературного критика Зинаиды Венгеровой и историка литературы и библиографа Семена Венгерова, а другой – намерение перебраться в Санкт-Петербург на постоянное жительство. Заметим, что речь идет об эпохе сложившейся национальной политики Российской империи в отношении инородцев, когда существовала черта оседлости, за которой некрещеным евреям селиться не позволялось (это почти вся центральная часть России с обеими столицами). На существование рефлексии в связи с проблемой принятия православия в частном пространстве

Л.З. Слонимского указывает смежная история семьи его жены: Паулина Венгерова, мать Фаины, писала в своих мемуарах: «Постепенно это страдание перестало быть для меня личной драмой. Оно все больше приобретало характер национального бедствия. Не только как мать, но и как еврейка я испытывала боль за весь еврейский народ, который терял столько благородных сил» [12, с. 337].

В связи с вышеизложенным представляется закономерным, что человек, который больше двадцати лет жил и формировался в еврейской культурной среде, а православие принял по практическим причинам ради развития карьеры, сохраняет хотя бы частичную связь со своей еврейской идентичностью и еврейским сообществом в России, разделяя все его невзгоды и трудности.

Становится ясно, почему заявление Н.И. Кареева о судьбе малых народностей оказывается для Л.З. Слонимского неприемлемым. Несмотря на то, что Н.И. Кареев был последовательным противником антисемитизма, что проявлялось даже в период его политической деятельности в партии кадетов¹⁵, его «метафизическая» позиция в отношении неизбежной судьбы малых народностей, а в данном случае конкретно евреев, задает «живую» персональную идентичность рецензента.

Кроме того, Л.З. Слонимский занимался изучением исторического положения евреев в России и констатировал необоснованность их угнетенного положения и всевозможных притеснений, опираясь на «рациональные» аргументы. Ученый же, очевидно, использует здесь романтическую идеологию «судьба “исторических” народов», которая активно разрабатывалась и реализовалась в рассматриваемый период в научной исторической и официально-политической риторике империи, и таким образом отходит от логики позитивизма (что характерно для многих позитивистов, обратившихся к вопросам теории национализма). При этом, находясь в конкретном историческом моменте, рецензент не учитывает, что нации – исторически сравнительно поздний феномен, и потому теория национализма, находящаяся на этапе дисциплинарного оформления, закономерно использует имеющийся/унаследованный идеологический аппарат и современные ей политические риторики в качестве аналога метаязыка.

Второй тезис касается войн и провоенных риторик. Л.З. Слонимский не обвиняет Н.И. Кареева в поддержке военных и империалистических настроений напрямую, однако уделяет большое внимание тому, что политики современной им эпохи склонны прибегать к квазинаучной риторике, обосновывая права своих стран на уничтожение или захват других. «Франко-прусская война 1870 г., – пишет публицист, – произошла отчасти потому, что в обоих государствах господствовало убеждение в исторической неизбежности борьбы» (Слоним.1, с. 255). Для Л.З. Слонимского этот вопрос является принципиальным, поскольку отстаивание либеральных ценностей состоит в том числе и в борьбе против «вредных заблуждений» захватнической политики и шовинизма (Слоним.1, с. 255).

В то же время в упомянутом вопросе есть определенная сложность: в отношении антивоенной позиции Н.И. Кареева Л.З. Слонимский высказался в заключительной рецензии лишь следующим образом: «Это все равно, как если б естествоиспытатель заявлял, что он – противник бурь и непогоды, что он не одобряет землетрясений и т. д.» (Слоним.4, с. 433). Чтобы понять логику и смысл данной фразы, необходимо сделать несколько замечаний.

¹⁵ Филимонов В.А. Н.И. Кареев о «еврейском вопросе» в Западной Европе и в России // Николай Иванович Кареев: жизненный путь и научное наследие в трансдисциплинарном контексте современного историознания: сборник статей и сообщений III Междунар. науч.-образоват. конф. / Сост. и отв. ред. Г.П. Мягков. Казань: К(П)ФУ, 2021. С. 201–208.

Несмотря на то, что Н.И. Кареев выступает против «замкнутости и враждебности наций», его формула прогресса подразумевает лишь постепенное преодоление «теории исторического круговращения Вико» (Кареев2, с. 341); приведенный тезис, в свою очередь, означает, что, «пока этот порядок [колебания прогрессивного развития] не изменится, колесо истории будет периодически выбрасывать неожиданные, но знакомые явления» (Кареев2, с. 341) и что «если для прогресса необходимо разделение общества на вождей и массу, на правящие и управляемые классы, то не сам прогресс, а условия, в которые он поставлен, грубость животной стороны человека превращают это разделение в культурный и социальный раскол...» (Кареев2, с. 341). Позволим себе заметить противоречивость позиции ученого, на которую между прочим указывает и рецензент: «...в разных местах сочинения он высказывает различные взгляды...» (Слоним.4, с. 432).

Таким образом, Н.И. Кареев выступает против войн и враждебности наций, но считает возможным установление контрпрогрессивных порядков, если в том есть необходимость прогресса. И, хотя ученый ни разу не говорит о войне в контексте подобных размышлений, можно констатировать глубокое сходство этих идей Н.И. Кареева с его взглядами на «еврейский вопрос». В связи с обозначенным фактом в ответ на слова ученого о его личном отношении к войне и звучит реплика Л.З. Слонимского, выдержанная в том же ключе, что и замечания по поводу судьбы малых народностей: пацифистски настроенный рецензент иронически оспаривает строгую концепцию «прогресса» Н.И. Кареева, которую считает «метафизической».

Анализ замечаний Л.З. Слонимского позволяет выявить «критические точки» столкновения. Там, где Н.И. Кареев стремится вести рассуждение на метауровне, привлекая обширную теоретическую и идеологическую терминологию, Л.З. Слонимский склонен говорить «по сути»: «Посвятив разбору сочинения г. Кареева особую статью... мы полагали, что такое наше внимание к “Основным вопросам философии истории” оправдывается прежде всего важностью тем, затронутых в этой книге; но, к сожалению, из небольшой заметки автора... мы должны были убедиться, что г. Кареев не понял ни мотивов, ни цели нашей статьи: он представил себе, будто нашей задачей могло быть только истолкование взглядов и рассуждений, заключающихся в его труде» (Слоним.4, с. 430).

В то время как Н.И. Кареев стремится выстроить четкую иерархию наук и сообразно с ее логикой и с опорой на имеющийся терминологический аппарат развивает свои идеи, рецензент считает такой подход навязыванием: «Г-н Кареев упорно навязывает нам свое воззрение на философию истории как “науку повествовательную”, хотя мы очень определенно высказались, что держимся совсем другого взгляда...» (Слоним.4, с. 432). Более того, Л.З. Слонимский считает упомянутый вопрос второстепенным относительно содержания предложенной концепции: «Наконец, пусть автор называет свою науку как ему угодно, пусть отнесет ее к категории наук теоретических или конкретных; – от этого не изменяется ведь достоинство ее содержания; а только это содержание и метод мы и разбирали при оценке труда г. Кареева» (Слоним.4, с. 432).

Заключение. Как видим, именно в отношении своего содержания «Основные вопросы философии истории» провоцируют не столько научное, сколько политическое несогласие рецензента, поскольку противоречат его личному опыту, исключают публициста из равного диалога и опосредованно легитимизируют ту дискурсивную ситуацию (антисемитизм и военные настроения), в которой он оказывается в угнетенном состоянии и против которой выступает.

Примечательно, что личная позиция Н.И. Кареева в отношении войн и «еврейского вопроса» однозначна, но стремление работы к метаописанию – привлечение богатого теоретического аппарата, вполне логичного для научного исследования методологического характера – иначе воспринимается за пределами академического дискурса. В рамках общественной дискуссии предложенная оптика является лишь одной из возможных, а потому подвержена критике не только с точки зрения ее соответствия истине в ее научном понимании, но и с отличных ценностных позиций.

Таким образом, ситуация глубокого непонимания и несогласия между идейно близкими авторами и неординарная критика «Основных вопросов философии истории» стали возможны потому, что Н.И. Кареев вынес свою работу в публичное поле, функционирующее по другим правилам и включающее текст в более широкие – культурные, социальные, политические – сферы, в которых он получает иное, порой абсолютно противоположное, прочтение. Очевидно также, что по отношению к идее и теории нации как значимой теоретической составляющей идейных исканий интеллектуалов изучаемой эпохи публицист и историк не только базируются на принципиально различном личном опыте, аналитической и риторической традициях (историческая школа Петербургского университета и юридическая школа Киевского университета), но и находятся на разных уровнях метарефлексии, имея в виду, вероятно, и существенно различные цели теоретизирования.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest. The authors declare no conflicts of interest.

Источники

- Кареев1 – *Кареев Н.И.* Основные вопросы философии истории: в 3 т. М.: Тип. А.И. Мамонтова и К°, 1883. Т. I. Критика историософических идей и опыт научной теории исторического прогресса. 456 с.
- Кареев2 – *Кареев Н.И.* Основные вопросы философии истории: в 3 т. М.: Тип. А.И. Мамонтова и К°, 1883. Т. II. Критика историософических идей и опыт научной теории исторического прогресса. 400 с.
- Кареев3 – *Кареев Н.И.* Историческое мирозерцание Грановского. Речь на торжественном акте Императорского С.-Петербургского университета 8 февраля 1896 г. // Годичный акт. Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1895 год. СПб.: Типо-лит. Б.М. Вольфа, 1896. С. 1–72.
- Кареев4 – *Кареев Н.И.* Расы и национальности с психологической точки зрения // Филологич. записки. 1876. Вып. II. С. 1–24
- Кареев5 – *Кареев Н.И.* Прожитое и пережитое / Подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В.П. Золотарева. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. 382 с.
- 3.342. – Записка о современном положении и нуждах русской школы (Записка 342) // Право. 1905. № 3. Стлб. 180–182.
- Кареев6 – *Кареев Н.И.* «Россия больна...» // Вестн. городского самоуправления. СПб., 1917. 12 нояб.
- Слоним.1 – *Слонимский Л.З.* Законы истории и социальный прогресс. По поводу сочинения Н.И. Кареева «Основные вопросы философии истории» // Вестн. Европы. Т. 6, № 11. 1883. С. 253–282.
- Слоним.2 – *Слонимский Л.З.* Экономическое учение Карла Маркса. Изложение и критический разбор. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1898. VI + 211 с.

- Слоним.3 – Слонимский Л.З. Взгляд на юридическое положение евреев в России и за границей. (Историко-политический этюд) // Еврейская библиотека: историко-литературный сборник. 1878. Т. 6. СПб.: В тип. Вульфа. С. 135–159.
- Слоним.4 – Л.С. [Слонимский Л.З.]. Еще об «Основных вопросах философии истории» г. Кареева // Вестн. Европы. 1884. № 1. С. 430–433.
- Кареев7 – Кареев Н.И. Моим критикам. Защита книги «Основные вопросы философии истории». Варшава: Тип. К. Ковалевского, 1884. IV + 84 с.
- П.К. – П.К. [Конский П.А.] // Исторический вестник. 1902. № 2. С. 702–703.
- Трн. – Трнко А.О. Ответ одного из учащейся молодежи на письма к ней г. Кареева о самообразовании. СПб.: Общественная польза, 1895. 24 с.
- Глин. – Глинский Б.Б. Молодежь и ее руководители // Историч. вестн. 1895. Т. 62. С. 931–960.
- Кареев8 – Кареев Н.И. Pro domo sua. Несколько слов по поводу статьи г. Слонимского // Русская мысль. 1883. № 12. Отд. II. С. 190–194.

Литература

1. Абрамова Ю.С., Ларина Т.А. К вопросу о «картине мира» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 11 (77): в 3 ч. Ч. 1. С. 55–59.
2. Филимонов В.А. Н.И. Кареев о рецепции античного культурного наследия в средние века и новое время // Диалог со временем. 2012. Вып. 40. С. 240–257.
3. Филимонов В.А. Н.И. Кареев: античность сквозь призму политики // Диалог со временем. 2007. Вып. 20. С. 337–352.
4. Мягков Г.П. Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2000. 298 с.
5. Ретина Л.П. Идея всеобщей истории в России: от классики к неоклассике. М.: Гос. ун-т – Высшая школа экономики, 2009. 37 с.
6. Мягков Г.П., Филимонов В.А. Н.И. Кареев в 1899–1906 годы: «досуговый дискурс» историка // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2010. Т. 152, кн. 3. Ч. 1. С. 169–178.
7. Никифоров Ю.С. Великая российская революция 1917 г. и культура историка: размышления Н.И. Кареева // Ярослав. пед. вестн. 2017. № 4. С. 332–336.
8. Золотарев В.П. Историческая концепция Н.И. Кареева: содержание и эволюция. Л.: Изд-во ЛГУ. 1988. 155 с.
9. Китаев В.А. XIX век: пути русской мысли. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. гос. ун-та, 2008. 355 с.
10. Байша О. Дискурсивный разлом социального поля: уроки Евромайдана. М.: Изд. дом ВШЭ, 2021. 184 с.
11. Сидорин В.В. Вл.С. Соловьев и Н.И. Кареев: к творческой истории «Оправдания добра» // Соловьёвские исследования. 2020. Вып. 4(68). С. 8–19.
<https://doi.org/10.17588/2076-9210.2020.4.008-019>
12. Чикалова И.Р. «Крещение моих детей было для меня самым тяжелым ударом»: сопротивление и эмансипация евреев на периферии Империи (на примере биографий Паулины и Зинаиды Венгеровых) // Диалог со временем. 2014. Вып. 48. С. 333–346.

References

1. Abramova Yu.S., Larina T.A. On the issue of the “worldview”. *Filologicheskie Nauki. Voprosy Teorii i Praktiki*, 2017, no. 11 (77), pt. 1, pp. 55–59. (In Russian)
2. Filimonov V.A. N.I. Kareev on the reception of the ancient cultural heritage in the Middle Ages and Modern Era. *Dialog so Vremenem*, 2012, no. 40, pp. 240–257. (In Russian)
3. Filimonov V.A. N.I. Kareev: Antiquity through the prism of politics. *Dialog so Vremenem*, 2007, no. 20, pp. 337–352. (In Russian)

4. Myagkov G.P. *Nauchnoe soobshchestvo v istoricheskoi nauke: opyt "russkoi istoricheskoi shkoly"* [Academic Community in Historical Science: "Russian Historical School"]. Kazan, Izd. Kazan. Univ., 2000. 298 p. (In Russian)
5. Repina L.P. *Ideya vseobshchei istorii v Rossii: ot klassiki k neoklassike* [The Idea of Universal History in Russia: From Classics to Neoclassicism]. Moscow, Gos. Univ. – Vyssh. Shk. Ekon., 2009. 37 p. (In Russian)
6. Myagkov G.P., Filimonov V.A. Nikolay I. Kareev in 1899–1906: Historian's "leisure discourse". *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2010, vol. 152, no. 3, pt. 1, pp. 169–178. (In Russian)
7. Nikiforov Yu.S. The Russian Revolution of 1917 and the culture of a historian: N.I. Kareev's reflections. *Yaroslavskii Pedagogicheskii Vestnik*, 2017, no. 4, pp. 332–336. (In Russian)
8. Zolotarev V.P. *Istoricheskaya kontseptsiya N.I. Kareeva: sodержanie i evolyutsiya* [N.I. Kareev's Historical Concept: Content and Evolution]. Leningrad, Izd. LGU, 1988. 155 p. (In Russian)
9. Kitaev V.A. *XIX vek: puti russkoi mysli* [19th Century: Paths of Russian Thought]. Nizhny Novgorod, Izd. Nizhegorod. Gos. Univ., 2008. 355 p. (In Russian)
10. Baysha O. *Diskursivnyi razlom sotsial'nogo polya: uroki Evromaidana* [Discursive Rift of the Social Field: Lessons from Euromaidan]. Moscow, Izd. Dom VShE, 2021. 184 p. (In Russian)
11. Sidorin V.V. V.S. Solovyov and N.I. Kareev: A creative history of "The Justification of the Good". *Solov'evskie Issledovaniya*, 2020. no. 4(68), pp. 8–19. (In Russian)
12. Chikalova I.R. "The baptism of my children was the hardest blow for me": Resistance and emancipation of Jews on the periphery of the Empire (the case of Paulina and Zinaida Vengerov). *Dialog so Vremenem*, 2014, no. 48, pp. 333–346. (In Russian)

Информация об авторах

Григорий Алексеевич Щукин, магистрант кафедры теории и истории гуманитарного знания, Российский государственный гуманитарный университет

E-mail: tiranovez11@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0107-4138>

Надежда Игоревна Недашковская, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории гуманитарного знания, Российский государственный гуманитарный университет

E-mail: N.Nedashkovskaya@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1757-6287>

Author Information

Grigory A. Shchukin, Master's Student, Department of Theory and History of Humanitarian Knowledge, Russian State University for the Humanities

E-mail: tiranovez11@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0107-4138>

Nadezhda I. Nedashkovskaya, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Department of Theory and History of Humanitarian Knowledge, Russian State University for the Humanities

E-mail: N.Nedashkovskaya@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1757-6287>

Поступила в редакцию 10.02.2025

Принята к публикации 10.04.2025

Received February 10, 2025

Accepted April 10, 2025